

Юрий Березкин

Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению¹

Наука существует для ответа на два вопроса: «как устроено?» и «как возникло?» Антропология и ее разделы — не исключение. Именно поэтому изучением политических (или потестарно-политических) отношений занимались и занимаются представители двух разных антропологических школ, между собой почти не взаимодействующих. Их можно условно назвать английской и американской, хотя у обеих давно появились последователи в разных странах.

Английская школа, основанная А. Рэдклифф-Брауном, возникла с целью изучения устройства и функционирования живых обществ, а ее главное «поле» находилось в английских колониях в Африке. Африка южнее Сахары до недавних пор являлась регионом без древней истории. Процесс появления сложных политических образований, существовавших здесь до начала активной транссахарской торговли и контактов с Азией через порты восточного побережья, и сейчас еще слабо изучен. Большинство технологических достижений, которые обусловили демографический рост и усложнение социальной структуры,

Юрий Евгеньевич Березкин

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург /
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
berezkin1@gmail.com

¹ Статья написана в рамках проекта РФФИ № 11-06-00441 «Динамика централизации — децентрализации традиционных социально-политических систем Старого и Нового Света по археологическим, историческим и этнографическим данным».

на территории южнее Сахары проникли из Евразии — от VI—V тыс. до н.э. и вплоть до периода европейской колонизации [Connor 2004: 35—38, 46, 101—111; Hassan 2003: 130—131]. К югу от Сахары и к западу от бассейна Нила производящая экономика распространилась в III—II тыс. до н.э. (в Кении — в IV—III тыс. до н.э.) [Березкин 2013а: 16—25; Gignoux et al. 2011; Hassan 2003: 130; Lane et al. 2007: 78; Robbins 2006: 82; Smith 1992: 131; Stahl 1994: 71—72].

В восточной Сахаре в VII тыс. до н.э. мог быть одомашнен крупный рогатый скот, но поскольку несомненных находок костей домашнего быка ранее середины V тыс. до н.э. в Северной Африке нет, остается вероятность того, что генетическое своеобразие африканского скота вызвано скрещиванием домашних животных передневносточного происхождения с местным диким быком. В литературе по этой проблеме есть разные мнения [Barker 2002; Connor 2004: 40—43; Garcea 2004: 116—117, 141; Honegger 2009: 4—5; Le Quellec 2009: 178—180; Robbins 2006: 82]. Для Центральной и Южной Африки никаких данных о существенном усложнении технологии и социополитической организации ранее конца I тыс. до н.э. нет, усложнение это имело место благодаря расселению бантуязычных групп и, вероятно, восточноафриканских койсанов, заимствовавших скот у кушитов [Pleurdeau et al. 2012]. Понятно, что те регионы, в которых процесс культурной эволюции шел под влиянием мощных внешних воздействий, представляют для исследователей политогенеза меньший интерес, чем те, в которых развитие происходило спонтанно. В то же время сеть надобщинных политических связей в Африке южнее Сахары отличается исключительной сложностью, а выделение в пределах этой сети отдельных единиц и их типология — одна из труднейших и вместе с тем интереснейших задач, с которыми сталкивается социальная антропология.

Американская школа, связанная прежде всего с именем Дж. Стьюарда, была занята поиском ответа на вопрос «как возникло?» Интерес к изучению прошлого был, по-видимому, унаследован от немецкой науки, но если в самой Германии породил фантастические построения миграционистов, то, переместившись вместе с Ф. Боасом и его учениками в Новый Свет, приобрел позитивистскую взвешенность, не отказавшись от прежних целей. Когда ученики Боаса размежевались на тех, кто впал в ересь психологического редукционизма, и тех, кто признал возможность и необходимость изучения дописьменной истории, основным «полем» для неозволюционистской антропологии стал Новый Свет. Процесс развития культуры от палеоиндейцев до Колумба шел исключительно динамично, так что его изучение в диахронии обещало быстро принести

результаты. Соответственно Стьюард и его коллеги, интересовавшиеся эпохальными закономерностями в развитии общества и культуры, получили в свое распоряжение материал, адекватный поставленным исследовательским задачам.

К концу 1940-х Дж. Стьюард сформулировал теорию параллельного однонаправленного развития ранних цивилизаций, основанных на ирригационном земледелии [Steward 1949]. Далеко уйдя от построений ранних эволюционистов, Стьюард и его последователи все же сохранили некоторые из их постулатов, а именно:

- 1) в развитии обществ можно выделить определенные ступени, стадии;
- 2) даже при отсутствии исторических связей вектор развития в отдельных регионах одинаков, если природные условия в основном сходны (а климат и ландшафт Центральных Анд и Передней Азии имеют много общего).

В СССР / России стьюардовскую позицию наиболее последовательно отстаивали В.А. Башилов [1999] и В.М. Массон [1964: 453–456; 1971: 107–159; 1981: 119–128]. Последний ссылался не на Дж. Стьюарда, а на Г. Чайлда, но сравнение Америки с Передней Азией — это именно стьюардовская, а не чайлдовская идея.

Чайлд и его последователи писали о ступенях в эволюции культуры, связанных с переменами в образе жизни людей, которые Чайлд назвал неолитической и городской революциями [Лынша 2001]. Сами перемены были обусловлены технологическими открытиями. Об эволюции социополитической организации Чайлд писал лишь попутно и в общих словах. Представления Стьюарда касались социально-политической динамики и, по-видимому, начали формироваться еще в 30-х гг. по мере подготовки «Справочника по индейцам Южной Америки». Созданная последователями Стьюарда «четырёхчленка» (band, tribe, chiefdom, state) описывает ступени в усложнении политической организации. Если переход с одной ступени на другую и обусловлен развитием технологии, то не прямо, а благодаря увеличению демографической плотности и численности коллективов. Но хотя Чайлд писал об изменениях в занятиях и образе жизни, а представители школы Стьюарда — о политической организации, все неэволюционисты середины XX в., кроме Л. Уайта, в той или иной мере оставались стадиалистами.

Со второй половины 70-х гг. по мере прогресса археологических и этнологических исследований «стадиалистские пережитки» в понимании социополитической эволюции сходили на нет. К концу XX в. исследователи признали невозможность

провести четкие границы между эгалитарными, ранговыми и стратифицированными обществами или же между вождеством и государством, а также гигантское разнообразие конкретных вариантов социополитической организации. Историческая наука не может обойтись без использования общих понятий, но они суть лишь шаблоны, с которыми мы сравниваем реальные общества во всем их разнообразии. М. Вебер [1990: 389] называл такие шаблоны историческими идеальными типами. Однако хотя стадиялизм в современной социокультурной антропологии и сошел со сцены, постулат параллельного однонаправленного развития в сходных условиях при отсутствии между обществами исторических связей в основном остается в силе. Так, К. Флэннери и Дж. Маркус, корифеи мезоамериканской археологии, рассматривая развитие социального неравенства и появление все более сложно организованных обществ, систематически приводят в пример общества, существовавшие в разное время на разных континентах и известные по данным археологии либо этнографии [Flannery, Marcus 2012]. Порой такие сопоставления неправомерны и основаны на выборочном и одностороннем использовании данных [Березкин 2013в].

Не менее живучим оказался и еще один постулат раннего эволюционизма — представление о необратимости движения по восходящей. Точнее, это даже не постулат, а интуитивно принятая аксиома. Все, что к середине XX в. было известно о дописьменных обществах с надобщинным уровнем интеграции, свидетельствовало о об их развитии от простого к сложному, за исключением тех случаев, когда кризисы были вызваны природными катастрофами или (предположительно) иноземными нашествиями. Факты иного рода научное сообщество не было готово осмыслить. И хотя с тех пор накопленные археологами данные о древних культурах умножились многократно, теоретические установки остались в основном прежними.

Показательно в этом смысле исследование П. Перегрини и его коллег с целью математической проверки того, действительно ли социополитическая организация развивается по экспоненте [Peregrine 2001; 2003; Peregrine, Ember 2001–2002; Peregrine et al. 2004]. Оказалось, что от раннего палеолита и до римского времени развитие осуществлялось именно так. Подобный вывод был обеспечен выбранным форматом базы данных исследования, поскольку в качестве минимальных единиц фигурировали крупные историко-культурные ареалы и эпохальные промежутки времени. Соответственно при статистической обработке материалов возможные колебания либо сглаживались, либо, оставшись заметны на определенной региональной шкале, не влияли на глобальные тренды. В результате мы получили всего

лишь математическое доказательство истинности представлений, разделяемых большинством здравомыслящих людей.

* * *

В последней трети XX в. два направления в политической антропологии, наметившиеся до Второй мировой войны, разошлись окончательно. Английская школа логично вписалась в магистральный тренд современной антропологии — изучение общностей и процессов, существующих и протекающих на наших глазах. Стюардовская школа ушла из антропологии в археологию, поскольку именно эта наука взяла на себя львиную долю работы по изучению прошлого. Антропологов, которые занимаются эволюцией политических систем и остаются при этом в границах именно этой дисциплины, остались считанные единицы. Другим антропологам результаты их исследований, как правило, безразличны: зная о трудностях изучения современных обществ, коллеги слабо верят в возможность реконструкции и классификации обществ древних и для прямого наблюдения недоступных.

Что же касается археологов, работающих в тех регионах, где процессы политогенеза протекали динамично и системы разного типа сменяли друг друга, они критически оценивают отдельные выводы отцов-основателей неоэволюционизма, однако в поисках типологической сетки, с которой можно было бы сопоставить известные по данным раскопок древние общества, продолжают обращаться если не прямо к их публикациям, то к разработкам 1970—1980-х гг. В эти годы такие понятия, как «вождество» и «раннее государство», особенно активно обсуждались ([Carneiro 1970; 1987; Claessen et al. 1985; D'Altroy, Earle 1985; Drennan, Uribe 1987; Earle 1987; Jones, Kautz 1981] и мн. др.).

Однако археология и антропология — это все же разные дисциплины. Если последователи английской социальной антропологии работали и работают с живыми информантами, то ни один антрополог-эволюционист не наблюдал и не мог наблюдать среднemasштабных и раннегосударственных обществ, устройство которых его коллеги обсуждают десятилетиями. Речь может идти лишь об обществах, давно утративших самостоятельность и встроенных в политические системы современного мира. Основные данные, которыми пользуются антропологи, занимающиеся изучением политогенеза, почерпнуты либо из ранних источников от античности до XVIII в., либо из археологических публикаций.

В спорах о типологии древних обществ заметны признаки «аргументации по кругу». Археологи пытаются наклеить антро-

пологические ярлыки на свои материалы, а изучающие поли-тогенез антропологи готовы привлечь данные археологии для создания классификаций. Это не значит, что выводы тех и других всегда необоснованны, а концептуальные предложения сомнительны. Так, весьма разумным кажется предложение считать общества, которые в тех или иных отношениях отличаются от классического вождества и от раннего государства или о которых вообще мало известно, «аналогами вождеств» и «аналогами государств» [Гринин 2006; Гринин, Коротаев 2012; Grinin, Korotayev 2011]. Этим мы избавляемся от необходимости придумывать новые термины и определяем примерное место обществ в перспективе эволюции человечества. Однако сама шкала эволюции все равно остается описанной языком антропологии даже там, где материалы получены только в ходе раскопок.

Число изученных археологами древних обществ, которые были устроены сложнее общины из нескольких сотен людей, но не обладали со всей очевидностью признаками развитых государств, измеряется многими сотнями, и с публикациями по большинству из них антропологи не знакомы. Но даже если бы они и были лучше начитаны в археологической литературе, само по себе это мало бы повлияло на развитие политической антропологии. Археологи изучают не отношения между людьми, а характер оставленных людьми материальных остатков. Пытаться создать типологию, опираясь на археологические материалы и при этом используя термины, созданные антропологами, есть то же самое, что напрямую отождествлять археологические культуры с носителями определенных языков. Антропологи или лингвисты должны принимать данные археологии к сведению, но лишь как сырые факты, требующие критической оценки специалистов по другой дисциплине. Точно так же, как древняя керамика бывает прочерченной или расписной, но не индоевропейской или дравидской, монументальные платформы или курганы сами по себе не делятся на возведенные в государствах, в вождествах или же в их аналогах.

Нет сомнений, что материалы археологии отражают процессы политической эволюции. Однако описывать эти процессы необходимо прежде всего в терминах самой археологии. Перевод полученных результатов на язык антропологии есть задача вторичная и, как всякая квадратура круга, до конца не решаемая.

Есть несколько категорий данных, которые отличают культуры, существовавшие на протяжении последних тысячелетий, от более ранних, в которых подобных свидетельств нет. С какими конкретно формами организации соответствующие факты связаны, вопрос почти всегда спорный. Трудно даже

утверждать, что все те общества, для которых одного из подобных свидетельств нет, были устроены проще всех тех, для которых оно обнаружено. Однако в совокупности и статистически связь рассматриваемых категорий данных с усложнением социополитической организации сомнений не вызывает.

Эти категории таковы.

1. Крупные общественно-культурные сооружения. Любые объекты сочетают практическую направленность с символической ценностью. Тем не менее в некоторых преобладает утилитарная функция (каналы, сельскохозяйственные террасы и пр.), а в других — символическая. Определить размеры коллективов, создававших утилитарные сооружения, крайне непросто, поскольку отдельные группы строителей могли действовать по собственной инициативе, побуждаемые практическим интересом. Что же до неутилитарных сооружений, то их наличие с высокой вероятностью предполагает существование в обществе какого-то организационного центра.

Общественные работы свидетельствуют о координации труда и соответственно о существовании больших и достаточно сплоченных коллективов. Сложность представляет оценка времени, ушедшего на создание объектов, и определение той границы, после которой объект следует считать «крупным». Универсальных критериев нет, но в пределах одной культурной традиции даже простое сравнение объемов перемещенного грунта по периодам отражает динамику изменения социальной структуры. Конкретные формы управления коллективами реконструкции не поддаются.

2. Наличие изделий, производство или доставка которых объективно дороги, причем утилитарная полезность предметов, если она вообще присутствует, не оправдывает затраченного труда. Речь идет об изделиях как из редкого сырья (из драгоценных металлов, камней редких пород, экзотических раковин), так и из доступного сырья. В последнем случае высокая стоимость предметов определяется дефицитом специалистов, способных их изготовить. Это высококачественная керамика, орнаментированные, сложные в изготовлении ткани и прочие «предметы искусства», создание которых требует профессиональной квалификации. Сокровища в захоронениях, кладах и жертвенниках свидетельствуют о существовании лиц, облеченных властью («вождей»), поскольку ценностями распоряжаются конкретные люди — по крайней мере де факто.

3. Крупные поселения. Жизнь в них при отсутствии современных средств снабжения и санитарии имела очевидные неудобства по сравнению с жизнью в небольших деревнях и хуторах

близ сельскохозяйственных и промысловых угодий. Эти минусы должны были перекрываться преимуществами, проистекавшими из контактов значительного числа людей. Прямой же контакт многих сотен и тем более тысяч людей предполагает наличие механизмов управления коллективом. Преимущества совместного проживания могли быть связаны с влиянием двух независимых факторов. Первый — это особенности социополитической организации, требовавшей общения членов коллектива друг с другом. Второй — внешняя угроза и нужды обороны.

Никакой определенной границы между поселениями крупными и некрупными установить невозможно. Важен вектор изменений, характерный для региона. Примерно же речь идет о коллективах с числом жителей порядка тысячи человек и более. Археологические материалы прямой информации о численности коллективов не содержат, такого рода параметры определяются на основе данных о площади поселений и плотности застройки. Оценки редко совпадают, но различаются все же не на порядок.

4. Иерархия поселений по размеру и различия между ними в типах сооружений. Если подобные данные собирались специально, для изучения политогенеза этот признак часто является основным. Предполагается, что четырехуровневая иерархия свидетельствует о возникновении государства, трехуровневая — о наличии сложных, а двухуровневая — простых вожеств. Однако ясно, что системы поселений лишь опосредованно отражают иерархию принятия решений. Речь может идти как о формальном соподчинении лидеров, так и о различиях в положении, обусловленных ролью отдельных поселений в качестве культовых центров, их военным потенциалом и т.п. Не вызывает сомнений лишь то обстоятельство, что в обществах, где государственная организация заведомо существовала, поселения всегда резко различаются по размеру.

Названные категории признаков независимы друг от друга. Встречаются очень крупные поселения, вокруг которых нет центров второго порядка (например, Шахи-Сохте в Систане III тыс. до н.э.) или не выявлено даже деревушек и хуторов (Алтын-депе на юге Туркмении в III тыс. до н.э.). Среди поселений Трипольской культуры периода VI–CI (примерно 3600–3200 гг. до н.э.) есть гигантские (с числом жителей порядка 10 тыс. чел.), но структурно не отличающиеся от небольших деревень. В Урукской культуре Южной Месопотамии (IV тыс. до н.э.) и в Хараппской культуре долины Инда (III тыс. до н.э.) нет выдающихся по богатству захоронений, но есть крупные города и четырехуровневая иерархия поселений,

а в Варненской культуре Болгарии V тыс. до н.э. нет ни того, ни другого, но некоторые погребенные усыпаны золотом. Таких примеров можно привести много.

* * *

Дело, однако, не только в разнообразии отдельных культур, за которым стоит разнообразие форм общественного устройства. За последние десятилетия стало очевидно, что пути исторического развития тех двух регионов, на материалы которых опирался Дж. Стьюард, различались кардинально. Общий вектор эволюции (от простого к сложному) существует, но почти все формы культуры, о которых можно судить по материалам археологии и этноистории, своеобразны.

На некоторые из этих различий я обратил внимание еще 35 лет назад: известные по литературе памятники Перу разительно отличались от «стадиально близких» к ним поселений юга Туркмении IV—III тыс. до н.э., в раскопках которых мне довелось принимать участие [Березкин 1994а; 1994б; 1995; Березкин, Соловьева 1996]. К сходным выводам, обоснованным на гораздо более обширных и в основном несколько более поздних материалах (Месопотамия III—II тыс. до н.э.), пришел работающий в Перу польский археолог К. Маковский [Makowski 1996; 2008; 2010].

Говоря о Центральном Андах и Передней Азии, я буду иметь в виду эпоху, начало которой отмечено появлением свидетельств координированных усилий людей для создания объектов неугилитарного назначения. Речь идет об объектах настолько значительных, что их сооружение усилиями одной небольшой общины практически исключено. Верхняя граница интересующего нас периода озаменована появлением обществ, государственный уровень которых известен по письменным источникам. В Передней Азии это раннединастический Шумер (с начала III тыс. до н.э.), в Центральном Андах — империя Инков и до известной степени завоеванное инками царство Чимор (XII/XIII—XV вв. н.э.).

Данным обществам предшествуют те, о которых письменные документы молчат, но совокупность археологических материалов свидетельствует в пользу существования обществ уровня государств, хотя и не обязательно однотипных с теми обществами, государственный статус которых отражен в письменных источниках. В Андах это Мочика со столицей в Уакас-де-Моче в долине Моче (III—VII/VIII вв. н.э.), Уари со столицей близ современного Аякучо (VII—IX в. н.э.), Тиуанако со столицей к югу от оз. Титикака (VII—X/XII вв. н.э.), Пампа-

Гранде и, вероятно, другие политические образования, связанные с поздней культурой мочика (VII–VIII вв. н.э.), Сикан на севере побережья с центром в долине Ламбайеке (X–XIII вв.), а также хуже известные Касма в северо-центральной части побережья (VII/VIII–X/XII вв. н.э.) и, вероятно, Лима в районе современной перуанской столицы (III–VI вв. н.э.). В Передней Азии это Урук VI–IV в Нижней Месопотамии (XXXVII/XXXV–XXXI/XXX вв. до н.э.) с его загадочными «колониями» на территории Сирии и Ирана, а также, возможно, другие центры в пределах будущего Шумера, если они сохраняли независимость от Урука. Не исключено, что политические образования северной Месопотамии (Телль-Брак, Хамукар и, возможно, другие) достигли того же уровня сложности одновременно с Уруком, если не раньше (в начале IV тыс. до н.э.?), однако они еще слишком плохо исследованы. В Иране первые общества, обладавшие значительной частью признаков, характерных для государств, появляются в XXIX–XXVI вв. до н.э. Это Аншан, Шахдад, Джирофт, Шахри-Сохте и, возможно, другие центры, в Южной Азии — Хараппская цивилизация (XXVII–XVIII вв. до н.э.).

Еще глубже во времени располагаются среднemasштабные общества во всем гигантском многообразии вариантов.

Ранние общества Центральных Анд, а также исторически связанные с ними общества Южных и Северных Анд и юго-востока Центральной Америки отличаются от переднеазиатских в следующих отношениях.

1. Значительно (на порядок, если не на два порядка) большие размеры общественно-культовых сооружений при одинаковых или меньших демографических показателях. В Перу монументальные общественно-культовые центры появляются в середине IV — начале III тыс. до н.э. (Сечин-Бахо в долине Касма, Асперо в долине Супе). Во второй-третьей четверти II тыс. до н.э. подобные сооружения достигают гигантских размеров, намного превышающих любые изученные археологами сооружения Древней Месопотамии [Березкин 2013б: 16–36]. В северно-центральных районах Перу строительство монументальных платформ почти прекращается во второй половине I тыс. до н.э., а примерно с рубежа нашей эры начинается вновь, достигая максимума в V–VII и в X–XI вв. н.э. На Боливийском плоскогорье ввиду преобладания ранее II тыс. до н.э. аридных условий размеры общественно-культовых сооружений начинают увеличиваться лишь с середины II тыс. до н.э. и достигают максимума в третьей четверти I тыс. н.э. [Березкин 2013б: 83–104].

В культурах неолита и энеолита Месопотамии монументальная архитектура отсутствует и появляется во второй четверти

IV тыс. до н.э. вместе с первыми городскими поселениями — Уруком на юге, Телль-Браком и Хамукарком на севере [Березкин 2013б: 175–182].

2. Профессиональное изобразительное искусство. Если говорить о культурах Америки, которым соответствовали общества уровня вождеств и их аналогов и уровня ранних государств, то там предметов с профессионально выполненными изображениями в тысячи раз больше, чем в предшествовавших появлению ранних государств переднеазиатских культурах. Большинство найдено в погребениях, некоторые связаны с оформлением фасадов и интерьеров общественно-культовых зданий.

В Америке преобладают предметы не с геометрическими и схематическими биоморфными, а со сложными фигуративными изображениями, которые связаны с определенными культурами. Подобные изображения для Передней Азии не характерны. Редчайшим исключением является роспись на халафском сосуде из погребения в Арпачии неподалеку от Ниневии [Корниенко 2006: рис. 72; Hijaга 1978: fig. 1]. Она, однако, остается единственной в своем роде. От неолита и энеолита Сирии и Месопотамии отличается малоазиатский Чатал-хеюк с его всемирно известными образцами фигуративного изобразительного искусства VII тыс. до н.э. Однако после оставления Чатал-хеюка эта традиция почти прерывается. Кроме того, в Чатал-хеюке речь в основном идет о росписях на стенах парадных помещений, которые замазывались новой штукатуркой вскоре после их нанесения [Düring 2011: 100–101]. Это совершенно иная практика по сравнению с изготовлением фигурных и расписных керамических сосудов или нанесением изображений на внешние стены храмов.

3. Сокровища в захоронениях. В Центральных Андах массивные золотые изделия в погребениях появляются с 1200–800 гг. до н.э., в Эквадоре — с 500–300 гг. до н.э., в горной Колумбии — с первых веков н.э., в Панаме и Коста-Рике — с 600–800 гг. н.э. [Березкин 2013б: 43–45]. Наличие в могилах предметов, имеющих объективно высокую стоимость, свидетельствует о появлении лиц, пожизненно облеченных властными прерогативами. В Перу в III и, возможно, даже во II тыс. до н.э. могла иметь место ротация власти как в современных индейских общинах — отсюда отсутствие в это время сокровищ [Moseley 1992: 140–141]. В сложных обществах Северных Анд и юго-востока Центральной Америки появление золота в захоронениях совпадает с появлением самих сложных обществ. Вполне возможно поэтому, что вместе с металлургией сюда из Перу проникли и определенные формы надобщинной организации, появившиеся в Центральных Андах к началу I тыс. до н.э.

Сравнивая вес найденных золотых изделий с численностью соответствующих коллективов, приходится заключить, что в доколумбовой Америке захоронения властных персон бывали намного богаче, чем в ранних государствах Древнего Востока (3500—2500 до н.э.). Общий вес золотых предметов, попавших на рынок древностей после разграбления в 1992 г. могильника Малагана в Колумбии, оценивается в пределах от 140 до 230 кг [Cardale Schrimpf 2005: 143; Drennan 2008: 391]. Вокруг Малаганы жили тысячи, в лучшем случае немногие десятки тысяч людей. Однако ценность обнаруженных здесь сокровищ как минимум не уступает ценности изделий, извлеченных из царских могил Ура, когда на юге Двуречья жили многие сотни тысяч людей.

В более ранних обществах Передней Азии, сопоставимых по демографическим параметрам с обществами Перу и Эквадора I тыс. до н.э., сокровищ практически нет. Они могли быть в некоторых обществах Закавказья и Анатолии, поскольку именно в Закавказье следует искать вероятную прародину создателей майкопской культуры IV тыс. до н.э. с ее хорошо известными изделиями из золота и серебра. Однако в отношении основных культур керамического неолита и энеолита Сирии и Месопотамии, к которым восходит урукская цивилизация (хассуна, халаф, самарра, убейд), отсутствие в захоронениях предметов, имеющих объективно высокую стоимость, сомнений не вызывает. Золото и ритуальные предметы из меди весьма рано (конец V либо начало IV тыс. до н.э.) появляются в Ханаане, но не в захоронениях, а вкладах в пещерах (Нахаль-Хана и Нахаль-Мишмар). Кроме того, наряду с профессионально выполненными предметами культа из меди в Ханаане найдены явно культовые, но сделанные непрофессионально, в домашних условиях сосуды с изображениями [Березкин 2013б: 187—188; Alon, Levy 1989; Joffe et al. 2001]. Это значит, что сфера сакрального не была вполне монополизирована какой-то жреческой корпорацией. Что же касается центрально-андских культур, то в них предметы с изображениями отражают примерно одинаковый уровень профессионализма.

4. Не просто использование сильнодействующих наркотиков, но включение соответствующих практик в ритуалы с участием элиты. Растения-галлюциногены и предметы, связанные с их использованием, представлены на важнейших изображениях культового характера [Berenguer 1985; 1987; Burger 2011; Cordy-Collins 1977; Isbell, Knobloch 2006; Knobloch 2000]. Соответствующие изделия из золота и других ценных материалов найдены в элитарных захоронениях, связанных как со среднимасштабными обществами андского региона, так и с обществами уровня ранних государств. Для Передней Азии подобная практика совершенно не характерна.

5. Не просто культ голов-трофеев и публичное умерщвление пленников, но также изображения соответствующих сцен на стенах важнейших общественно-культурных центров и предметах в захоронениях.

Археологические раскопки свидетельствуют о том, что подобные изображения отражают реально происходившие ритуалы, однако частота встречаемости изображений вряд ли отражает интенсивность военных конфликтов. Скорее речь идет об иконографическом клише. Сходство соответствующих изображений в культурах от Коста-Рики до северо-западной Аргентины указывает на единые истоки подобной идеологии. Древнейшие изображения воинов или божеств с отрезанной человеческой головой в руке относятся к концу II тыс. до н.э. Не исключено, однако, что более ранние пока не найдены, поскольку предметов фигуративного изобразительного искусства, созданных ранее 1200 г. до н.э., сохранилось значительно меньше, чем более поздних. Изображения выпотрошенных и расчлененных тел на плитах фасада храма Серро-Сечин относятся к первой четверти II тыс. до н.э. [Bischof 2009: 14, 41; Fuchs, Patzschke 2013].

В Передней Азии ранее урукского времени изображений пленников нет, а относительно многочисленными они становятся лишь в ассирийском искусстве. Кроме того, в искусстве древней Передней Азии сцены расправы над пленниками, по-видимому, отражают конкретные события, которые победители стремились запечатлеть. В Андах и на юго-востоке Центральной Америки фигура воина или мифического существа с головой-трофеем в руке представляет собой иконографический штамп, практически не меняющийся на протяжении тысячелетий и поэтому связанный не с реальными военными столкновениями, а с какими-то представлениями. Характерно, что растения-галлюциногены и головы-трофеи бывают изображены в пределах одной композиции.

6. В отличие от Передней Азии в Андах нет теллей, т.е. остатков плотно застроенных поселений, жизнь на которых продолжалась веками и тысячелетиями. Единственным исключением является культура ванкарани в горной Боливии (2000 до н.э. — 500 н.э.), которая выделяется на региональном фоне и отсутствием специализированных святилищ [Lecoq 1998; Pérez 2005]. Перуанские общественно-культурные центры нередко возникали на пустом месте и покидались столь же внезапно. Это можно сказать об Уари (VII—IX вв. н.э.), где, по оценкам, жило от 20 до 40 тыс. чел. [Isbell 2008: 748—750]. Некоторые города представляли собой мастерские по возведению и обслуживанию гигантских административно-храмовых комплексов.

Примером служит Пампа-Гранде на севере побережья Перу в VII в. н.э. [Shimada 1994: 216–225]. В других случаях монументальные центры почти не имели постоянного населения. Таков Кауачи — главный центр культуры наска на юге побережья Перу в начале I тыс. н.э. [Silverman 2002]. Без «идеологического обеспечения» со стороны культового центра крупные поселения существовать, как правило, не могли, их функция центров производства и обмена была вторичной.

В Передней Азии некоторые телли достигают высоты 30 м, а «жилые холмы» высотой 12–15 м обычны. Поскольку скорость отложения культурного слоя на соответствующих памятниках составляет около 1 м в столетие или чуть меньше, люди явно жили на одном месте на протяжении многих веков и даже тысячелетий. Подобная стабильность объяснима, если места расположения поселений определялись природными и хозяйственными обстоятельствами, такими как близость сельскохозяйственных угодий и маршруты путей обмена. Войны могли приводить к временному упадку отдельных поселений, но затем они возрождались на прежнем месте.

Во второй четверти — середине IV тыс. до н.э. в Верхней и Нижней Месопотамии происходит «городская революция», после чего плотно застроенные города навсегда становятся неотъемлемой частью культуры Двуречья. В отличие от Передней Азии, в Центральных Андах говорить о «городской революции» не приходится. С IV тыс. до н.э. и вплоть до конкисты заметно возрастание социополитической сложности и технологической оснащённости, однако увеличение размеров крупнейших поселений — лишь один из элементов этого процесса, к тому же имевшего пульсирующий характер. С приходом испанцев перуанские города, функционирование которых целиком зависело от верховной власти, были немедленно покинуты населением.

7. В отличие от Передней Азии после IX тыс. до н.э. и до времени распространения мировых религий (о периоде ранее конца IX тыс. до н.э. — чуть ниже) развитие андских культур имело пульсирующий характер — эпохи социополитического усложнения сменялись периодами регресса.

Первый кризис приходится на третью четверть I тыс. до н.э., когда оборвалась традиция, отраженная в строительстве монументальных общественно-культовых центров. Эти сооружения обладали многими сходными архитектурно-планировочными особенностями, такими как U-образная либо линейная планировка, наличие круглой углубленной ниже окружающей поверхности площади, сочетание платформ с закрытыми от посторонних глаз небольшими атриумами и обширных дворов.

Связанные с данными центрами памятники изобразительного искусства отражают сходный канон. Можно поэтому утверждать, что при всех локальных и временных вариациях речь идет об одной и той же исторической общности, существовавшей в северных и центральных районах Перу на протяжении почти трех тысяч лет.

Одновременно с оставлением общественно-храмовых комплексов исчезают погребения с золотом, число предметов с профессионально выполненными фигуративными изображениями сокращается, а уровень художественного мастерства снижается.

Массовое оставление монументальных комплексов случалось в Перу и раньше. Оно имело место на побережье в IX в. до н.э. В то время гибель подобных центров была вызвана природной катастрофой — мощными Эль-Ниньо и, возможно, цунами, о чем собраны многочисленные свидетельства [Bird 1987; Elera Agévalo 1999: 273–274; Sandweiss et al. 2007]. Однако оставление аналогичных центров в горных районах и общий обрыв культурной традиции как в горах, так и на побережье в третьей четверти I тыс. до н.э. никакими внешними обстоятельствами объяснить невозможно. На территории протяженностью 1000 км с северо-северо-запада на юго-юго-восток и 150–200 км с востока на запад экологические и социальные условия были слишком разнообразны, чтобы изменения климата, землетрясения или что-то еще могли бы одновременно оказать свое действие. Так, если экономика побережья основывалась главным образом на ирригационном оазисном земледелии и эксплуатации морских ресурсов, то в высокогорной пуне люди пасли скот и выращивали клубнеплоды. Тем не менее обрыв традиции произошел примерно синхронно. Не исключено, что процесс имел лавинообразный характер и занял лишь несколько десятилетий. Единственной причиной произошедшего, которую можно сейчас предложить, мог стать кризис идеологии. Люди отказались делегировать власть прежним лидерам, в результате чего связанные с определенной идеологией неутилитарные объекты потеряли свое значение и были заброшены.

В затронутых кризисом северо-центральных районах Перу культура резко меняется. При этом население не сокращается, хотя люди часто мигрируют в пределах одной долины или нескольких соседних долин. Вместо гигантских платформ с расположенной вокруг относительно небольшой жилой застройкой появляются крупные хаотично застроенные поселения. Имеющиеся в них общественно-культовые объекты невелики, многочисленны и рассеяны в пределах застройки. Камни из

святилищ предшествующего времени используются для строительства жилых построек на сакральных в прошлом участках [Березкин 2013б: 52–53].

В конце I тыс. до н.э. в Перу начинается новый период усложнения социополитических структур, с которым связано появление обществ уровня государства. Этот процесс занял около трех столетий (I в. до н.э. — II в. н.э.). Сохранившиеся от второй четверти I тыс. н.э. свидетельства сложной организации общества — те же, что и характерные для II — первой половины I тыс. до н.э., т.е. гигантские монументальные сооружения и сокровища. Кроме того, появляются города с населением 10 тыс. чел. и более. Археологам удается также проследить возникновение четырехранговых систем поселений, что характерно для политических образований уровня государств. Даже если такие системы отражают не иерархию назначаемых из центра чиновников, а всего лишь неформальное соподчинение лидеров, переход от трехранговых систем к четырехранговым о возрастании социополитической сложности несомненно свидетельствует.

В конце I тыс. н.э. эта система разваливается, общества уровня государства сохраняются лишь на севере побережья Перу. Новый центр усложнения социополитической организации возникает в долине Куско, ранее находившейся на окраине перуанской цивилизации, вне территорий вождеств и государств. В других районах Центральных Анд в X–XIII вв. трудно обнаружить следы политических образований выше уровня простых вождеств. Лишь Тиуанако, утратив все свои удаленные от центра анклав, возможно, просуществовало до середины XII в. Как и во второй половине I тыс. до н.э., причины кризиса следует искать в проблемах, касающихся идеологии. Повсюду в Центральных Андах в этот период радикально меняется художественный стиль, а число памятников фигуративного изобразительного искусства резко сокращается. За исключением нескольких долин на севере тихоокеанского побережья погребения становятся бедными и однообразными, монументальное строительство прекращается. Все это свидетельствует не о смене населения, а о смене элит.

В XIII в. становится заметен новый восходящий тренд общественно-политического развития, который завершается образованием империи Инков. На этот раз строительство гигантских монументальных платформ и практика регулярного публичного умерщвления пленников не возобновились. Однако во многих других отношениях инкское общество продолжало традиции, заложенные в отдаленном прошлом. Империя была организована по образцу сельской общины с ее фратриальным

делением. Элита продолжала контролировать тайное знание и престижную экономику, хотя контроль над производством и распределением продуктов массового потребления также получил большое значение. Не существовало ясного механизма передачи власти, каждый правитель сталкивался с проблемой подтверждения своей легитимности [Березкин 2005]. Вполне вероятно, что подобные трудности могли вызвать новый идеологический кризис, который бы закончился распадом империи и понижением уровня социальной сложности. Однако конкиста помешала реализации этого исторического эксперимента.

Пульсирующее развитие Древнего Перу видно на схеме, отражающей изменение размеров монументальных сооружений и количества золота в захоронениях (рис. 1).

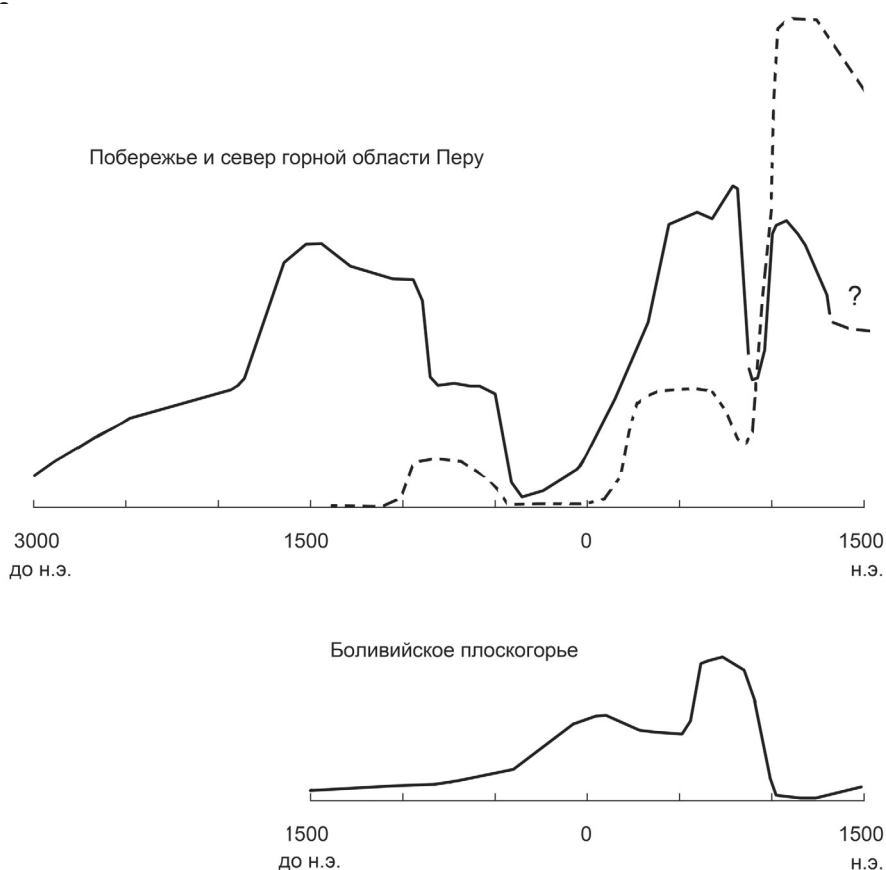

Рис. 1. Динамика объемов монументальных общественно-культурных сооружений (сплошная линия) и количества золота в погребениях (пунктир) в Центральных Андах. Оценка ориентировочная, отражающая направление изменений, а не конкретные показатели

Теперь о Передней Азии. Как было сказано, после IX тыс. до н.э. в развитии этого региона резких перерывов постепенности не заметно. Кризис культуры докерамического неолита в южном Леванте в VII тыс. до н.э. имел локальный характер и был обусловлен долговременной засухой. К тому же последние исследования на Айн-Газале близ иорданской столицы показывают, что кризис не был столь резким, как вначале казалось. Жизнь на этом крупном и хорошо изученном поселении продолжалась даже в VI тыс. до н.э., т.е. уже после распространения керамики [Kafafi et al. 2012]. Совершенно иначе выглядит ситуация с эпохой ранее конца IX тыс. до н.э. Новые исследования лишь подтверждают то революционное значение раскопок на Гёбекли-тепе [Корниенко 2006; 2011; Шмидт 2011], которое они имеют для науки о прошлом. Данные о культуре верховьев Евфрата и Тигра периода, предшествовавшего становлению производящей экономики, позволяют предполагать существование здесь исключительно своеобразной традиции. Речь идет прежде всего о периоде функционирования сооружений из нижнего слоя Гёбекли.

Гёбекли был основан в середине X тыс. до н.э. или раньше. Поскольку раскопки продолжаются, открытие материалов начала X тыс. до н.э. и даже XI–XII тыс. до н.э. нельзя исключать. Со временем размеры сооружений и монументальных каменных стел уменьшались, самые большие сооружения — самые ранние.

Памятников, хотя бы отдаленно сопоставимых с Гёбекли по размерам и функциям и синхронных его раннему слою, нет. На некоторое время отрывочные сообщения о еще одном объекте, расположенном на мало пригодном для обитания известняковом плато, привели к определенному замешательству. Речь идет о находящемся в нескольких десятках километров к юго-востоку от Гёбекли Карахан-тепе, где при поверхностном обследовании были замечены верхи 266 каменных стел [Bugrd 2005: 267]. Если бы это был памятник, однотипный Гёбекли и одновременный ему, то мы, возможно, должны были бы говорить о группе ритуальных центров одного ранга. Оказалось, однако, что площадь Карахана — 6 га, т.е. почти втрое меньше, чем площадь Гёбекли, а найденные там стелы имеют высоту не 3–5 м, а всего лишь 1–2 м [Çelik 2011]. Небольшие размеры стел соответствуют хронологическому положению Карахана — синхронно верхнему слою Гёбекли-тепе, где стелы тоже намного меньше размером, чем стелы нижнего слоя.

Здания общественно-культового характера, в тех или иных отношениях напоминающие святилища Гёбекли-тепе, найдены на нескольких поселениях IX тыс. до н.э., в частности в Чаюню-

тепеси, Невали-Чори, Жерф эль-Ахмаре и Мюрейбете [Корниенко 2002; 2006: 32–66; Schirmer 1990; Stordeur et al. 2001]. Во всех этих случаях рядом со святилищами располагаются жилые дома. В отличие от остальных памятников, кроме, кажется, Карахана, Гёбекли-тепе был исключительно церемониальным центром. Жить на высоком плато было возможно лишь при условии, что туда доставляли воду и продовольствие. Соответственно люди могли собираться там вместе лишь на короткое время. В крайнем случае в Гёбекли постоянно находилось небольшое число лиц, наделенных особыми привилегиями и получавших все необходимое со стороны.

Поблизости от Гёбекли-тепе ни более ранних, ни синхронных монументальному комплексу памятников пока не найдено, но представление о рядовых поселениях данной культуры дают исследования в верховьях Тигра в 150 км восточнее. Верхний слой одного из них, Хасанкейф-хеюк, видимо, синхронен нижнему горизонту Гёбекли-тепе, нижние слои пока не изучены [Miyake et al. 2012]. Другое поселение, Кёртик-тепе, также многослойное, датируется самым концом XI — началом X тыс. до н.э. и, по-видимому, возникло раньше появления в Гёбекли-тепе первых сооружений, известных там на сегодняшний день [Soçkun et al. 2010; Özkaya 2009]. На рубеже плейстоцена и голоцена данный район представлял собой богатый ресурсами дубовый парковый лес. В 1990-х гг. здесь было исследовано еще одно поселение с материалами X тыс. до н.э. и более ранними — Халлан-Чеми [Корниенко 2006: 25–32; Nosenberg et al. 1995; Starkovich, Stiner 2009]. Оно находится выше в предгорьях, и его обитатели занимались главным образом охотой, хотя собирательство семян дикорастущих бобовых имело существенное значение. Обитатели Кёртик-тепе тоже были охотниками и собирателями, но не менее, если не более важную роль в их хозяйстве играла рыбная ловля. Они жили оседло в круглоплановых, углубленных в землю домах со стенами из булыжников. Поражает обилие найденных в погребениях предметов с изображениями — не только геометрическими, но и фигуративными. Они встречаются на каменных сосудах, костяных подвесках и других небольших изделиях. Ранее подобные вещи были найдены на Халлан-Чеми, однако лишь во фрагментах. Стиль этих изображений гораздо больше напоминает монументальное искусство Гёбекли-тепе, чем искусство докерамического неолита Леванта. Вполне вероятно, что именно обитатели если не конкретно этих, то других подобных поселений и были людьми, создавшими первое в истории человечества сложное общество.

То, что это произошло в рамках присваивающего, а не производящего хозяйства, заставляет существенно пересмотреть

наши взгляды на процесс сложения цивилизации. В Кёртик-тепе не только не найдено зерновок злаков с морфологическими признаками окультуривания, но и остатков злаков здесь вообще мало. Зато обилие костей рыб, рыболовные крючки и остатки сетей заставляют вспомнить, с одной стороны, о Лепенском Вире, а с другой — о дзёмоне или же о культурах Колумбийского плато и северо-западного побережья Северной Америки. Таковые обычно рассматриваются как некие аномалии: производящего хозяйства нет, а демографическая плотность и уровень социополитической сложности высоки. Теперь оказывается, что нечто подобное могло иметь место в древнейшем и наиболее важном центре формирования неолитической по типу культуры. Нынешняя датировка основания Гёбекли-тепе 9600 г. до н.э. позволяет уверенно говорить о том, что первое в истории сложное общество возникло не после, а до становления производящего хозяйства. И если Гёбекли-тепе окажется единственным и уникальным центром своего рода для X тыс. до н.э. (а по современным данным это так), то его влияние могло распространяться не на десятки, а на сотни километров.

20 лет назад никто не решился бы предположить возможность существования подобного общества. Можно сказать, что открытие Гёбекли-тепе подорвало основы как стьюардовского, так и чайлдовского эволюционизма. Какому политическому образованию эта древняя общность могла соответствовать — band, autonomous village, tribe, chiefdom? Любой вариант ответа легко оспорить. Соответствует ли это общество «палеолитической дикости» или «неолитическому варварству»? Скорее второму, однако без производящего хозяйства и с монументальными сооружениями, ожидаемыми не в неолите, а в бронзовом веке.

Общество Гёбекли-тепе и общество докерамического неолита Леванта различны в отношении не только форм хозяйства, но и типов поселений и иконографии. Между культурой Гёбекли и культурой докерамического неолита Леванта нет преемственности. По мере того как специализированное собирательство превращалось в земледелие, значение Гёбекли падало. Уменьшение размеров стел, а также камней, из которых сложены стены святилищ [Шмидт 2011: 225–227], означает, что люди утрачивали интерес к прежним культурам. Когда же выращивание растений и разведение домашних животных стали основой хозяйства, традиции Гёбекли вовсе исчезли.

К. Шмидт называет элиту общества Гёбекли «шаманами». Не знаю, корректно ли такое обозначение, но идеология этих лю-

дей должна была иметь отношение к охоте на крупных животных — другие варианты просто трудно представить. Вместе с тем в Чатал-хеюке, где изобразительное искусство тоже, по-видимому, отражает идеологию охотников, а вовсе не земледельцев и скотоводов, иконографический канон и сюжеты изображений связи с памятниками круга Гёбекли не обнаруживают. Весьма вероятно, что общество Чатал-хеюка стало распадаться после того, как охота на дикого тура уступила место разведению крупного рогатого скота [Arbuckle, Makarewicz 2009]. Однако преобладающие в Чатал-хеюке образы женщины и быка имеют параллели в культуре докерамического неолита Леванта и сохранялись также в халафской культуре. Халаф, распространившийся в самом конце VII — первой половине VI тыс. до н.э., т.е. непосредственно после оставления Чатал-хеюка, представляет собой развитое неолитическое общество, основанное на земледелии и скотоводстве. Образы женщины и быка остаются господствующими в восточном Средиземноморье вплоть до распространения мировых религий [Cauvin 1994]. Культура Гёбекли — это особая традиция, о начальных этапах которой пока мало известно. В конце IX тыс. до н.э. она угасла, уступив место той переднеазиатской традиции, которая археологам уже давно хорошо известна. Что касается идеологии Гёбекли, то речь идет о какой-то специфической системе ритуалов и представлений, подробности которой нам вряд ли станут известны.

Как и в Центральных Андах, смена фигуративных художественных стилей означает смену элит. Общество Гёбекли-тепе уступило место другому — не только основанному на иных отраслях хозяйства, но и политически организованному иначе. В истории переднеазиатского региона лишённые или почти лишённые постоянного населения церемониальные центры никогда больше не играли существенной роли. После начала IX тыс. до н.э. и до первой половины IV тыс. до н.э. археологи не обнаруживают здесь красноречивых свидетельств координированной деятельности столь большого числа людей, как в Гёбекли. Вернее сказать, сети связей между общинами в халафе, самарре и тем более в убейде могли быть обширны, но выявить их непросто. Ясно, что они функционировали по-другому, чем в обществе Гёбекли.

* * *

Перейдем к выводам. Они касаются, во-первых, характера и причин различий между двумя центрами становления сложных обществ, а во-вторых, выбора терминологии, используемой для описания соответствующих процессов.

Различия между двумя очагами формирования сложных обществ следует искать в различии способов, которые элита использовала для удержания власти.

В своей знаменитой работе Т. Далтрой и Т. Эрл выделили два типа экономических рычагов, которые верховная власть использует для управления [D'Altroy, Earle 1985]. Один — это обеспечение лояльности местных элит путем создания условий для престижного потребления. Второй — удовлетворение основных потребностей населения в продуктах массового потребления. Подобные рычаги использует любая власть, хотя роль их в разных обществах неодинакова. Однако есть, видимо, смысл выделить еще один основной способ, используемый для удержания власти — контроль над тайным знанием. Речь идет о текстах и ритуальных практиках, ценность которых условна. До тех пор пока общество ее признает, люди сохраняют лояльность определенной элите. Задача элиты состоит в том, чтобы регулярно убеждать общество в своей уникальной способности контролировать сакральные тексты и ритуалы. Если вера в объективную ценность той информации, которой владеет элита, оказывается утраченной, существование элиты теряет в глазах общества всякий смысл.

В Андах инструментом удержания власти элитой являлись прежде всего монополия на тайное знание и контроль над производством и циркуляцией неутилитарных престижных предметов, которые использовались в соответствующих ритуалах. Отсюда главные особенности древнеамериканских культур: культовые центры как структурообразующие элементы систем расселения; обилие памятников фигуративного изобразительного искусства; употребление галлюциногенов в ритуалах с участием высшей элиты; охота за головами и публичное умерщвление пленников как часть обрядовых практик, призванных обеспечить изобилие ресурсов и благополучие коллектива. Огромные трудовые затраты на строительство монументальных сооружений в период, предшествовавший формированию властных элит, можно объяснить ролью дуальной организации, содействовавшей соревнованию противоположных групп в осуществлении красочных и дорогостоящих ритуалов. Отсутствие всего этого в неолитических и энеолитических культурах Передней Азии позволяет предполагать отсутствие резко обособившейся от общества элиты и гораздо большую, чем в Америке, роль горизонтальных связей между коллективами. Высшая элита не покупала с помощью сокровищ лояльность низшей. Ее позиции обеспечивали контроль над производством и распределением продуктов массового потребления [Oates 1993: 407–408; Stein 1994: 37–41].

Один из самых простых способов классификации обществ, известных по письменным источникам, есть их классификация по конфессиям. Этот подход кажется архаическим, поскольку отодвигает на второй план экономические и политические особенности, которые более всего определяют условия жизни людей. Однако, говоря о конфессиях, мы в сущности говорим об элитах, претендующих на контроль над определенными текстами и ритуальными практиками. Одна из таких элит не так давно находилась у власти в России и утратила власть из-за того, что общество перестало верить в ценность соответствующего тайного знания. Экономические трудности сами по себе не могли быть достаточной причиной кризиса: ранее то же общество сталкивалось с более серьезными трудностями, но доверяло элите и не распадалось. Эти события происходили на наших глазах, но значение тех или иных конкретных обстоятельств определить вовсе не просто. В отношении древности нам тем более трудно понять, по каким конкретно причинам хранители тайного знания могли утратить доверие масс (письменные источники об этом не сообщают).

Несмотря на глубину кризисов, дважды поразивших центральноандский регион, они не привели к кардинальной смене культурной традиции. Два обстоятельства могли сыграть свою роль. Во-первых, ни во второй половине I тыс. до н.э., ни в конце I — начале II тыс. н.э. культурно-хозяйственная основа перуанской цивилизации существенно не менялась. Соответственно вряд ли менялись верования и ритуальные практики на уровне крестьянской общины. Во-вторых, оба кризиса, хотя и имели грандиозные масштабы, не затронули всю территорию Центральных Анд и, следовательно, докризисные культурные нормы могли быть легко восстановлены. В периоды кризисов памятники изобразительного искусства в Центральных Андах в некоторых районах почти исчезают, а их стиль меняется. Тем не менее некоторые важнейшие иконографические клише и сюжеты сохраняются в неизменном виде от по крайней мере начала III тыс. до н.э. до эпохи Инков. Пока имеющиеся материалы, связанные с периодом ранее III тыс. до н.э., бедны. Однако вполне вероятно, что центральноандская традиция в отношении как изобразительного искусства, так и некоторых особенностей социополитической организации в конечном итоге восходит едва ли не к палеоиндейцам [Moseley 1992: 83]. В пользу этого — разного рода культурные параллели, связывающие отдельные общества Нового Света от Аляски до Бразилии. Если так, то различия между переднеазиатским и андским центрами политогенеза уходят в палеолит. Как глубоко и почему подобные различия первоначально возникли — на эти вопросы ответить пока невозможно.

Второй наш вывод касается необходимости различения «этнолого» и «эмного» подходов к проблеме появления древнейших государств.

Мы указали лишь на самые главные различия в политических системах Передней Азии и Южной Америки. Чем подробнее описание, тем эти различия заметнее. Использование универсальных ярлыков для характеристики данных обществ различия затемняет и смазывает. В то же время отказ от прослеживания общих тенденций делает региональные исследования несопоставимыми и возвращает нас к достюардовским временам — к историческому партикуляризму Ф. Боаса. Вряд ли следует (да и бессмысленно) призывать к отказу от использования терминов типа «раннее государство» или «вождество». Дело не в терминах, а в их определении. На мой взгляд, наличие всех четырех археологически видимых признаков, свидетельствующих о значительном усложнении политической организации (монументальная архитектура, крупные поселения, сокровища, четырехуровневая иерархия поселений) достаточно для того, чтобы условно именовать соответствующие общества государствами или по крайней мере аналогами государств. В этом смысле Мочика, Уари, Эрлитоу или Монте-Альбан государствами являются. Урук, видимо, тоже, хотя отсутствие сокровищ (возможно, пока просто не найденных) свидетельствует об отличиях в политической организации общества юга Месопотамии IV тыс. до н.э. не только от американских обществ сопоставимого уровня сложности, но и от обществ Месопотамии III тыс. до н.э.

Сказанное не значит, что общество побережья Перу в первой половине и середине I тыс. н.э. (культура мочика) с его плохо понятной соподчиненностью центров в отдельных долинах было более развитым, чем высоко урбанизованное общество Урука, создавшее первую в мире письменность и организовавшее далекие колонии типа Хабубы-Кабиры. Эти общества различны почти по всем пунктам. Но выбрав чисто археологические критерии и не пытаясь реконструировать конкретные формы управления (что на сегодняшний день невозможно), мы в состоянии сравнить основные направления развития регионов. Соответствующие тенденции видны на рис. 2. Коррекции могут подвергаться условные параметры, связанные, например, с вероятной численностью населения, принятой для того, чтобы считать поселения крупными, или же касающиеся критериев оценки для определения вещей как «сокровищ», а общественно-культурных сооружений в качестве «монументальных». Тем не менее сами критерии объективны, они могут быть выражены цифрами и не зависят от реконструкций отдельных исследователей.

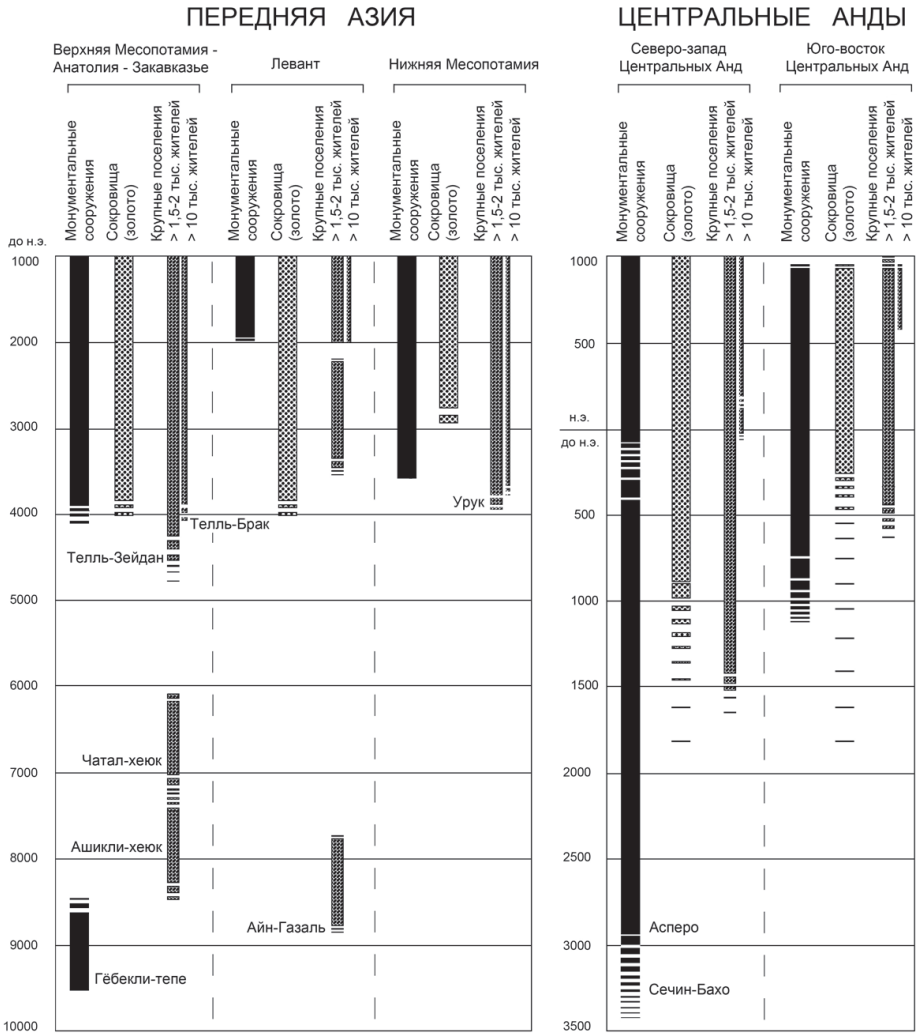

Рис. 2. Время появления общественных сооружений, сокровищ и крупных поселений в Передней Азии и Центральных Андах

Принимая подобный подход, мы признаем тот факт, что археология является «этной» наукой [Harris 1979: 53; Pike 1954: 8–28] и не может претендовать на описание того видения мира, которое было свойственно создателям археологических культур. Вопрос о том, является ли определенное политическое образование «настоящим государством», не может обойтись без изучения «эмной» позиции. Так, если в Китае общество Эрли-тоу действительно соответствует династии Ся (что вполне вероятно, хотя и не общепризнанно [Liu 2009]) и если идея «мандата неба» появилась в бассейне Хуанхэ уже в XVIII–XVI вв.

до н.э., то Эрлитоу можно было бы называть государством и в этном, и в эмном смысле. Но если эта идея возникла позже, например в политическом образовании Янши, которое с Эрлитоу, по-видимому, и покончило, то тогда первым «настоящим» государством в Восточной Азии оказывается именно Янши. Также и в Шумере о «настоящем» государстве можно говорить после того, как появилось понятие сходящей с неба «царственности» и представление об этой «царственности» как о норме [Дьяконов 1983]. Существовали или нет такие понятия уже в IV тыс. до н.э., мы никогда не узнаем, поскольку урукские таблички подобной информации не содержат. Что касается Центральных Анд, то не похоже, чтобы там имелось что-то подобное. Отсюда — множество архаических особенностей политической и хозяйственной системы Инков, связанных с отсутствием ясной и всеми признаваемой, раз и навсегда обретенной легитимности централизованного правления.

Библиография

- Башилов В.А.* «Неолитическая революция» в Центральных Андах. Две модели палеоэкономического процесса. М.: Наука, 1999.
- Березкин Ю.Е.* «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н.э. // Вестник древней истории. 1994а. № 3. С. 14–27.
- Березкин Ю.Е.* Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // Кунсткамера: этнографические тетради. 1994б. Вып. 4. С. 5–19.
- Березкин Ю.Е.* Модели среднемасштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток: Дальнаука, 1995. С. 94–104.
- Березкин Ю.Е.* Сакрализация власти в доиспанском Перу // Сакрализация власти в истории цивилизации. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2005. Ч. 1. С. 161–196.
- Березкин Ю.Е.* Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013а.
- Березкин Ю.Е.* Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН, 2013б.
- Березкин Ю.Е.* Два подхода к проблемам возникновения сложных обществ (к публикации книги Кента Флэннери и Джойс Маркус) // Российский археологический ежегодник. 2013в. Вып. 3. С. 604–612.
- Березкин Ю.Е., Соловьева Н.Ф.* Символы власти в акефальном обществе. Скамьи, кресла и бык на юге Центральной Азии // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб.: МАЭ РАН, 1996. С. 102–118.

- Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. Основные социологические понятия // Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
- Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство и его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 85–163.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2012. С. 92–123.
- Дьяконов И.М. Раннединастический период в Двуречье и Эламе // История Древнего Востока. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. Ч. 1. С. 162–232.
- Корниенко Т.В. Храмы северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // Вестник древней истории. 2002. № 2. С. 92–113.
- Корниенко Т.В. Первые храмы Месопотамии. СПб.: Алетей, 2006.
- Корниенко Т.В. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // Археологические вести. 2011. Вып. 17. С. 70–95.
- Лышиа В.А. Гордон Чайлд и американский неозволюционизм // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 3–17.
- Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964.
- Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л.: Наука, 1971.
- Массон В.М. Алтын-депе. Л.: Наука, 1981.
- Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб.: Алетей, 2011.
- Alon D., Levy T.E. The Archaeology of Cult and the Chalcolithic Sanctuary at Gilat // Journal of Mediterranean Archaeology. 1989. Vol. 2. No. 2. P. 163–221.
- Arbuckle B.S., Makarewicz C.A. The Early Management of Cattle (*Bos taurus*) in Neolithic Central Anatolia // Antiquity. 2009. Vol. 83. No. 321. P. 669–686.
- Barker G. Transition to Farming and Pastoralism in North Africa // Examining the Farming / Language Dispersal Hypothesis. Cambridge: McDonald Institute, 2002. P. 151–162.
- Berenguer J.R. Evidencias de inhalación de alucinógenos en esculturas Tiwanaku // Revista Chungara. 1985. Vol. 14. P. 61–69.
- Berenguer J.R. Consumo nasal de alucinógenos en Tiwanaku: una aproximación iconográfica // Boletín del Museo Chileno de Arte Precolombino. 1987. Vol. 2. P. 33–53.
- Bird R. A Postulated Tsunami and its Effects on Cultural Developments in the Peruvian Early Horizon // American Antiquity. 1987. Vol. 52. No. 2. P. 295–303.

- Bischof H.* Los periodos Arcaico Tardío, Arcaico Final y Formativo Temprano en el valle de Casma: evidencias e hipótesis // Boletín de Arqueología PUCP. 2009. Vol. 13. P. 9–54.
- Burger R.L.* What Kind of Hallucinogenic Stuff Was Used at Chavin de Huantar? An Iconographic Identification // Ñawpa Pacha. 2011. Vol. 31. No. 2. P. 123–140.
- Byrd B.E.* Reassessing the Emergence of Village Life in the Near East // Journal of Archaeological Research. 2005. Vol. 13. No. 3. P. 231–290.
- Cardale Schrimppf M.* Calima and Malagana: Art and Archaeology in Southwestern Colombia. Bogotá: Pro Calima Foundation, 2005.
- Carneiro R.L.* A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol. 169. P. 733–738.
- Carneiro R.L.* Cross-currents in the Theory of State Formation // American Ethnologist. 1987. Vol. 14. No. 4. P. 756–770.
- Cauvin J.* Naissance des divinités, naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. P.: CNRS Éditions, 1994.
- Çelik B.* Karahan Tepe: A New Cultural Centre in the Urfa Area in Turkey // Documenta Praehistorica. 2011. Vol. 38. P. 241–253.
- Claessen H., Velde P. van de, Smith M.E.* (eds.). Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization. South Hadley, MA: Bergin & Garvey, 1985.
- Connor G.* Forgotten Africa. An Introduction to its Archaeology. L.; N.Y.: Routledge, 2004.
- Cordy-Collins A.* Chavin Art: Its Shamanistic / Hallucinogenic Origins // Pre-Columbian Art History: Selected Papers. Palo Alto: San Diego Mesa College, 1977. P. 353–362.
- Coçkun A., Benz M., Erdal Y.S., Koruyucu M.M., Deckers K., Riehl S., Siebert A., Alt K.W., Özkaya V.* Living by the Water — Boon and Bane for the People of Körtik Tepe // Neo-Lithic. 2010. No. 2. P. 59–70.
- D'Altroy T.N., Earle T.K.* Staple Finance, Wealth Finance, and Storage in the Inka Political Economy // Current Anthropology. 1985. Vol. 26. No. 2. P. 187–206.
- Drennan R.D.* Chiefdoms of Southwestern Colombia // Handbook of South American Archaeology. N.Y.: Springer, 2008.
- Drennan R.D., Uribe C.A.* (eds.). Chiefdoms in the Americas. Lanham; N.Y.; L.: University Press of America, 1987.
- Düring B.S.* The Prehistory of Asia Minor. From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2011.
- Earle T.K.* Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective // Annual Review of Anthropology. 1987. Vol. 16. P. 279–308.
- Elera Arévalo C.G.* The Puémape Site and the Cupisnique Culture: A Case Study on the Origins and Development of Complex Society in the Central Andes, Peru: Ph.D. thesis. Calgary: The University of Calgary, 1999.

- Flannery K., Marcus J.* The Creation of Inequality. How our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2012.
- Fuchs P.R., Patzschke R.* Early Monumentalism in the Central Andes: the Origins of Monumental Architecture in the Casma Valley // Chavín. Peru's Enigmatic Temple in the Andes. Zurich: Museum Rietberg and Verlag Schneider & Speiss, 2013. P. 71–84.
- Garcea E.A.A.* An Alternative Way towards Food Production: The Perspective from the Libyan Sahara // Journal of World Prehistory. 2004. Vol. 18. No. 2. P. 107–154.
- Gignoux C.R., Henn B.M., Mountain J.L.* Rapid, Global Demographic Expansions after the Origins of Agriculture // Proceedings of the National Academy of Science. 2011. Vol. 108. No. 15. P. 6044–6049.
- Grinin L., Korotayev A.* Chiefdoms and their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity // Social Evolution and History. 2011. Vol. 10. No. 1. P. 276–334.
- Harris M.* Cultural Materialism: The Struggle for the Science of Culture. N.Y.: Random House, 1979.
- Hassan F.A.* Archaeology and Linguistic Diversity in North Africa // Examining the Farming / Language Dispersal Hypothesis. Oxford: Oxbow Books, 2003. P. 127–133.
- Hijara I.* Three New Graves at Arpachiyah // World Archaeology. 1978. Vol. 10. No. 2. P. 125–128.
- Honegger M.* Kerma (Soudan) — origine et développement du premier royaume d'Afrique noire // Archéologie suisse. 2009. Vol. 32. No. 1. P. 2–13.
- Hosenberg M., Nesbitt C., Redding R.K., Strasser T.F.* Hallan Çemi Tepesi: Some Preliminary Observations Concerning Early Neolithic Subsistence Behaviors in Eastern Anatolia // Anatolica. 1995. Vol. 21. P. 3–12.
- Isbell W.H.* Wari and Tiwanaku: International Identities in the Central Andean Middle Horizon // Handbook of South American Archaeology. N.Y.: Springer, 2008. P. 731–759.
- Isbell W.H., Knobloch P.J.* Missing Links, Imaginary Links: Staff God Imagery in the South Andean Past // Andean Archaeology III. North and South. N.Y.: Springer Science, 2006. P. 307–351.
- Joffe A.H., Dessel J.P., Hallote R.S.* The “Gilat Woman”. Female Iconography, Chalcolithic Cult, and the End of Southern Levantine Prehistory // Near Eastern Archaeology. 2001. Vol. 64. No. 1–2. P. 8–23.
- Jones G.D., Kautz R.R.* The Transition to Statehood in the New World. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1981.
- Kafafi Z., Rollefson G., Douglas K., Lash A.* ‘Ain Ghazal Revisited: Rescue Excavations October and December–January, 2011–2012 // Neolithics. 2012. No. 2. P. 33–40.
- Knobloch P.J.* Wari Ritual Power at Conchopata: An Interpretation of Anadenanthera Colubrina Iconography // Latin America Antiquity. 2000. Vol. 11. No. 4. P. 387–402.

- Lane P., Ashley C., Seitsonen O., Harey P., Mire S., Odede F.* The Transition to Farming in Eastern Africa: New Faunal and Dating Evidence from Wadh Lang'o and Usenge, Kenya // *Antiquity*. 2007. Vol. 8. No. 311. P. 62–81.
- Lecoq P.* Datos preliminares sobre el período Formativo en el sur de Potosí, Bolivia // *Boletín de Arqueología PUCP*. 1998. Vol. 2. P. 337–352.
- Le Quellec J.L.* Rock Art and Cultural Responses to Climatic Changes in the Central Sahara during the Holocene // *Exploring the Mind of Ancient Man*. New Delhi: Research Indian Press, 2009. P. 173–188.
- Liu L.* Academic Freedom, Political Correctness, and Early Civilization in Chinese archaeology: the Debate on Xia-Erlitou Relations // *Antiquity*. 2009. Vol. 83. No. 321. P. 831–843.
- Makowski K.* La ciudad y el origen de la civilización en los Andes // *Estudios Latinoamericanos (Varsovia)*. 1996. Vol. 17. P. 63–88.
- Makowski K.* Andean Urbanism // *Handbook of South American Archaeology*. N.Y.: Springer, 2008. P. 633–657.
- Makowski K.* Religion, Ethnic Identity, and Power in the Moche World // *New Perspectives on Moche Political Organization*. Washington: *Dumbarton Oaks*, 2010. P. 280–305.
- Miyake Y., Maeda O., Tanno K., Hongo H., Gündem C.Y.* New Excavations at Hasankeyf Höyük: A 10th Millennium Cal. BC Site on the Upper Tigris, Southern Anatolia // *Neo-Lithics*. 2012. No. 1. P. 3–7.
- Moseley M.E.* The Incas and their Ancestors. L.: Thames and Hudson, 1992.
- Oates J.* Trade and Power in the Fifth and Fourth Millennia BC: New Evidence from Northern Mesopotamia // *World Archaeology*. 1993. Vol. 24. No. 3. P. 403–422.
- Özkaya V.* Excavations at Körtik Tepe. A New Pre-Pottery Neolithic A Site in Southeastern Anatolia // *Neo-Lithic*. 2009. No. 2. P. 3–8.
- Peregrine P.N.* Cross-cultural Comparative Approaches in Archaeology // *Annual Review of Anthropology*. 2001. Vol. 30. P. 1–18.
- Peregrine P.N.* Atlas of Cultural Evolution // *Journal of Comparative and Cross-Cultural Research*. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 2–88.
- Peregrine P.N., Ember M.* Encyclopedia of Prehistory. Vol. 1–9. N.Y. et al.: Kluwer Academic, Plenum Publishers, 2000–2003.
- Peregrine P.N., Ember M., Ember C.R.* Predicting the Future State of the World Using Archaeological Data: An Exercise in Archaeomancy // *Cross-Cultural Research*. 2004. Vol. 38. P. 133–146.
- Pérez A.E.* Del arcáico a las aldeas Wankaraní // *Nuevos aportes*. 2005. Vol. 3. P. 56–75.
- Pike K.L.* Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior. Glendale: Summer Institute of Linguistics, 1954.
- Pleurdeau D., Imahwa E., Détroit F., Lesur J., Veldman A., et al.* “Of Sheep and Men”: Earliest Direct Evidence of Caprine Domestication in Southern Africa at Leopard Cave (Erongo, Namibia) // *PLoS ONE*. 2012. Vol. 7. No. 7. P. e40340.
- Robbins L.H.* Lake Turkana Archaeology: The Holocene // *Ethnohistory*. 2006. Vol. 53. No. 1. P. 71–93.

- Sandweiss D.H., Maasch K.A., Andrus C.F.T., Reitz E.J., Riedinger-Whitmore M., Richardson J.B. III, Rollins H.B.* Mid-Holocene Climate and Culture Change in Coastal Peru // *Climate Change and Cultural Dynamics: A Global Perspective on Mid-Holocene Transitions*. San Diego: Academic Press, 2007. P. 25–50.
- Shimada I.* Pampa Grande and the Mochica Culture. Austin: University of Texas, 1994.
- Schirmer W.* Some Aspects of Building at the Aceramic Neolithic Settlement of Çayönü Tepesi // *World Archaeology*. 1990. Vol. 21. No. 3. P. 363–387.
- Silverman H.* Ancient Nasca Settlement and Society. Iowa City: University of Iowa Press, 2002.
- Smith A.B.* Origins and Spread of Pastoralism in Africa // *Annual Review of Anthropology*. 1992. Vol. 21. P. 125–141.
- Stahl A.B.* Innovation, Diffusion, and Culture Contact: The Holocene Archaeology of Ghana // *Journal of World Prehistory*. 1994. Vol. 8. No. 1. P. 51–112.
- Starkovich B. M., Stiner M.C.* Hallan Çemi Tepesi: High-ranked Game Exploitation alongside Intensive Seed Processing at the Epipaleolithic-Neolithic Transition in Southeastern Turkey // *Antropozoologica*. 2009. Vol. 44. No. 1. P. 41–61.
- Stein G.* Economy, Ritual, and Power in 'Ubaid Mesopotamia // *Chieftoms and Early States in the Near East*. Madison: Prehistory Press, 1994. P. 35–46.
- Steward J.* Cultural Causality and Law: A Trial Formulation of the Development of Early Civilizations // *American Anthropologist*. 1949. Vol. 51. No. 1. P. 1–27.
- Stordeur D., Brenet M., Der Arahamian G., Roux J.-C.* Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syries) // *Paléorient*. 2001. Vol. 26. No. 1. P. 29–44.